

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА (РЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-11-70001).

Рассмотрено творчество великого русского писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина как источник по истории отечественной буржуазии и ее ядра – купечества. Делается попытка выявить причины негативного отношения писателя к новым явлениям социально-экономической жизни страны и той роли, которую играли в ней купцы. Авторы приходят к выводу, что в произведениях Салтыкова-Щедрина наблюдается все возрастающий интерес к предпринимательству купцов, которые были заинтересованы, прежде всего, в собственном обогащении всеми доступными им средствами.

Ключевые слова: история; Россия; М.Е. Салтыков-Щедрин; купцы, предпринимательство.

В России среди читающей публики середины XIX в. был широко известен критик и публицист Н. Щедрин, но мало кто знал тогда, что под этим псевдонимом печатался видный чиновник Михаил Евграфович Салтыков, который после окончания Царскосельского (Александровского) лицея, превратившегося к тому времени из рассадника свободомыслия в кузницу административных кадров страны, поступил на государственную службу. Успешная чиновная карьера молодого Салтыкова завершилась «генеральским» званием действительного статского советника на посту тверского вице-губернатора.

Возвратившийся из сибирской ссылки Ф.М. Достоевский, по мнению тверского исследователя Т.Н. Никитина, обратил на это внимание, и такой факт нашел отражение в его творчестве. В романе «Преступление и наказание» реальным прототипом критика «прогрессивного» направления Лебезятникова послужил М.Е. Салтыков-Щедрин, а в романе «Бесы» он стал прообразом губернатора фон Лембеке. Т.Н. Никитин вслед за современниками отмечает портретное сходство оригинала и прототипов (большие, выпуклые и чрезвычайно близорукие глаза, роскошные бакенбарды в виде котлеток), сходство характеров (стремление к лидерству в журналах и кружках), направление ума и общественной деятельности [1. С. 170–178]. Автор статьи делает вывод, что в этих образах Достоевский хотел показать некоторые черты личности и творчества знаменитого сатирика, к которым он относился критически, хотя творчество Салтыкова-Щедрина было востребовано и имело огромный общественный резонанс.

Салтыков-Щедрин не только критически осветил многие стороны общественной жизни пореформенной эпохи, но и дал впечатляющую характеристику социально-экономическому развитию страны и показал роль в этом процессе старых сословий и новых классов. Одним из таких сословий являлось российское купечество, которое у Салтыкова-Щедрина получило исключительно негативную окраску, ставшую особенно популярной среди советских историков и литературоведов. Образы «Колупаевых» и «Разуваевых», по их мнению, не имели в творчестве Салтыкова-Щедрина иного значения, как остро критического. Между тем их характеристика не так уж

однозначна и требует пристального изучения, пояснения и дополнения.

Естественно, творческое наследие М.Е. Салтыкова-Щедрина, его биография хорошо изучены, и в процессе написания данной статьи было обращено внимание на труды классиков литературоведения, которые оставили глубокий след в изучении не только его творчества, но и других писателей. Благодаря их усилиям, было издано двадцатитомное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, которое стало наиболее полным и академичным изданием последнего времени [2]. Тем не менее знакомство с трудами исследователей стало необходимым условием проникновения в художественный мир Салтыкова-Щедрина, выявлением связей его биографии и общественно-политической обстановки в стране с его творчеством [3–8].

При чтении многих произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина поражаешься той смелости, с которой он обрушивался на реакцию во всех ее проявлениях – и в правительственных кругах, и в буржуазной среде, и среди либеральной интеллигенции, однако назвать его революционным демократом, приверженцем радикальных действий, на наш взгляд, нельзя. Конечно, великий критик не мог не заметить проникновение в страну новых буржуазных отношений, которые имели в России специфическую окраску. В отличие от стран Западной Европы и Северной Америки, русская буржуазия не была приверженцем революций, где бы она выступала гегемоном, но была сторонником соглашения с правительством и помещиками, довольно долго сохраняла традиционный тип предпринимательства и своеобразный облик, который великий сатирик едко высмеивает. В образе купца первой гильдии Парамонова нам представлен делец, сохранивший еще дореформенные черты, успешно занимающийся ростовщичеством, благодаря которому скопил колоссальные богатства, но еще не осознавший своего политического могущества, не претендующий на господство в области культуры и образа жизни. Всю жизнь он откупается от взяточников-чиновников, что вызвано отчасти принадлежностью к секте скопцов.

Как известно, скопчество как общественное движение возникло во второй половине XVIII в. среди беглых солдат, мещан и крестьян в ответ на вызывающе открытый разврат высшего российского дворян-

ства. Отказавшись от самой возможности совершать блуд самым кардинальным способом, члены этой секты держали под запретом употребление спиртных напитков и табака, и все силы и возможности скопцы положили на обретение материальных богатств, достигнув здесь определенных успехов. Однако выигрывая в сражении за капитал, Онуфрий Парамонов много проигрывал своим соперникам во внешности: «Лицо у него было отекавшее, точно у младенца, страдающего водянойкой в голове; глаза мутные, слезящиеся; на бороде, в виде запятых, торчали четыре белые волоска, по два с каждой стороны; над верхней губой висел рыжеватый пух. В довершение всего волосы на голове, желто-саврасового цвета, были заботливо рукою Фаинушки напомажены и зачесаны, через весь обнаженный череп, с уха на ухо» [2. Т. 15, кн. 1. С. 122].

Роль Фаинушки у купца Парамонова была своеобразной: любовницей у скопца она, естественно, быть не могла, но в силу своей замечательной красоты, могла исполнять роль хозяйки секты менял. Так Щедрин называет тайные ростовщические конторы, в которых работали в основном скопцы, и среди них было много очень богатых людей. Полиция должна была их преследовать, но на самом деле эти секты изуверов процветали, так как умело маскировались и откупались от властей: «Жертвы меняльного фанатизма вербовались десятками, а становой пристав, получив мзду, ходил по улице и делал вид, что все обстоит благополучно» [Там же. С. 118]. В такой ситуации судьба бедной девушки, оказавшейся в сложных обстоятельствах, могла быть печальной – скопцы подвергали «большой или малой печати» (полного или частичного оскотления не только мужчин, но и женщин), однако Онуфрий Петрович подготовил ей другую судьбу – купил на ее имя дом и устроил ее в качестве «штучки». Со знанием дела описывает Салтыков-Щедрин взаимоотношения полов в таких случаях: «Сначала Онуфрий Петрович не решался давать ей помногу денег, опасаясь, что она даст стрелка, но мало-помалу убедился в ее благонадежности и пролил на нее такие щедроты, что в настоящее время она уже самостоятельно объявляла первую гильдию. Впрочем, лично она торговли не производила, а имела на всякий случай на Калашниковской пристани кладовую, на которой красовалась вывеска с надписью “оптовая торговля первой гильдии купчихи Фаины Егоровны Стёгнушкиной”. По временам Парамонов от имени ее производил более или менее значительную операцию и, разумеется, подносил ей хороший куш» [Там же. С. 119]. Большое впечатление на читателя «Современной идиллии», а именно там дано жизнеописание купца Парамонова, производит перечень взяток и пожертвований этого купца. Сатирически заострив ситуации, Салтыков пишет о якобы 15 копейках, данных этим купцом на памятник Пушкину и самые значительные пожертвования в этом списке «на патреотизм» (95 и 87 тыс. руб. в 1877 и 1878 гг.) [Там же. С. 196–199].

В этой же сатире даются характеристики других купцов – Вздошников и Кубышкина, которые так же широко дают взятки полиции и чиновникам других

ведомств, но чувствуют себя уже настоящими хозяевами жизни. Они – реальная власть в своих уездах, как, например, купец Вздошников в Корчевском уезде, где на его пожертвования был возведен просторный и светлый собор, где все было в наилучшем виде: «прекраснейшее паникадило, массивное евангелие, изящной работы напестольный крест», но все это было собрано за счет содержания кабаков, производства «иностранных виноградных» вин по кашинским образцам, где, как известно, никогда не было виноградников, и другими нечестными сделками. Такая характеристика дополняется наблюдениями местных жителей, которые считали, что в их небогатом краю многим не обогатиться, а одному, Вздошникову, в самый раз. Тем не менее нельзя не отрицать предпринимательский талант этого и других купцов, их благотворительную щедрость и заботу о моральных устоях местного общества, так как без веры можно было делать все, что угодно.

Другой купец, выведенный в число действующих лиц «Современной идиллии», Кубышкин, претендует на господство уже не только во внутренней, но и во внешней политике страны. Представляя текстильный капитал, он ищет внешних рынков для продукции своих фабрик, подталкивает к захвату Средней Азии, где было возможно выращивание необходимого для него дешевого хлопка. Впоследствии М.Е. Салтыков-Щедрин разовьет тему колонизации окраин Российской империи и негативных последствий этого процесса в «Господах ташкентцах» и некоторых других своих произведениях.

В лице разбогатевшего на железнодорожных концессиях Вооза Лазаревича Ошмянского представлен крупный промышленный капитал, который хотя и покрыл страну сетью дешевых железных дорог, но использовал, по мнению Щедрина, негодные средства: подкуп, взятки, национальную круговую поруку и прочие грехи. С необыкновенной легкостью еврей-капиталист Ошмянский отрекается от своей веры и национальности, но, впрочем, это была довольно распространенная практика национальной буржуазии в России, когда ради предстоящей прибыли разноплеменные купцы забывали на время о своих родовых корнях и национальных противоречиях. Еврейская буржуазия описана здесь весьма достоверно, и в братях Ошмянских легко угадывается портретное сходство с золотопромышленниками, железнодорожными дельцами и финансистами Поляковым, бароном Гинзбургом, Варшавским и другими крупными деятелями той эпохи.

В другом своем произведении, «Дневнике провинциала в Петербурге», М.Е. Салтыков-Щедрин отмечает первое и главное увлечение прибывших в столицу провинциалов – получить шальные деньги за счет обретения хоть какой-то концессии, т.е. права на строительство какой-либо железнодорожной ветки или даже ее небольшого участка. Концессионная «горячка» охватила в начале 1870-х гг. не только коммерческие круги, но захватила часть помещиков, которые после отмены крепостного права испытывали финансовые трудности, несмотря на старания прави-

тельства оказать им поддержку, а также высшую и среднюю бюрократию. Появились здесь и свои авторитеты, например магнат Бубновин, решающий многие важные вопросы в своем клубе и реагирующий только на предложения об окольных путях достижения цели (фаворитки, любовницы, влиятельные светские дамы, популярная французская актриса). Фамилия намекает на карточную масть – бубновыми валетами, королями и тузами называли тогда преступников-интеллектуалов (подлоги, взятки, мошенничества, разного рода аферы), а также и на П.И. Губонина, богатейшего железнодорожного концессионера из крестьян, составившего свой капитал в виноторговле, который пользовался постоянной поддержкой высокопоставленных лиц, получавших от него огромные субсидии.

Другой персонаж «Дневника провинциала» – банкир Мерзавский, прозрачно намекает на имена крупнейших концессионеров страны А.М. Варшавского и С.С. Полякова, которые, несмотря на свое низкое еврейское происхождение, стали богатейшими людьми России. Здесь же упоминается и исторически реальное лицо «господин Латкин с свежю печорской семгой и кедровой шишкой в руках», это сибирский золотопромышленник купец В.Н. Латкин, который активно выступал в печати за освоение природных богатств Сибири и Крайнего Севера [2. Т. 10. С. 279].

Важную, хотя и малоизвестную сторону творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина занимают его драматические произведения. Вслед за А.Н. Островским он обращается к купеческой теме, где страсти кипят, конечно, главным образом вокруг денег, способов их приобретения и передачи по наследству. В комедии «Смерть Пазухина» речь идет о завещании бывшего откупщика Ивана Прокофьевича Пазухина, который в свое время отошел от старообрядческой веры и занялся оптовой торговлей водкой, выполнением государственных подрядов, что при его старообрядчестве было бы невозможно. В результате он скопил к концу жизни баснословные капиталы, вокруг которых началась нешуточная борьба наследников. Парадоксально, но сын его, Прокофий Иванович, остался предан старой вере, носил бороду и традиционное русское платье, не курил и не пил водки, женат был на красавице кержачке и занимался малоприбыльной «копеечной», по его словам, торговлей. Однако в пылу борьбы за наследство, в угоду своему отцу, Прокофий сбрил бороду, переоделся в сюртук и даже публично выпил рюмку водки, что было, как известно, главным признаком отказа старообрядца от своей веры. Сначала купеческий сын Пазухин вроде бы проиграл борьбу за наследство своим чиновным высокопоставленным родственникам, но потом, подкупив нужных свидетелей, стал после смерти родителя хозяином двухмиллионного капитала, обширных размеров недвижимости и другого имущества. Тем не менее еще в процессе борьбы за это наследство Пазухин готов отказаться от собственных обещаний поделить деньги со своими временными союзниками и готовит для них крайне неприятные сюрпризы.

В другой пьесе Салтыкова-Щедрина «Тени» рассказывается о чиновной среде, где, как известно, су-

ществовала строгая иерархия, и прибывший в Петербург товарищ по гимназии одного из «столпов» чиновного мира сразу окунается в эту атмосферу. Здесь, как и в купеческой среде, господствует корысть, причем ставки делаются на размещение заказа на некое крупное строительство, сулящее крупные дивиденды. Между заказчиками ведется ожесточенная война, и побеждает в ней некий Артамонов, судя по всему, известный купец, который смог вручить 50-тысячную взятку Кларе Ивановне, фаворитке одного из сановников, и пообещать ей еще «золотые горы» в случае успеха. Этот сюжет отчетливо перекликается с известной ситуацией 1870-х гг., когда успех железнодорожных концессий во многом зависел от доступности предпринимателей к морганатической супруге Александра II Екатерине Долгорукой. В это время моральная планка общества опустилась настолько низко, что, по словам одного из персонажей пьесы, воровство и подлость могут сойти «за благоразумие». В обычае была и торговля должностями, когда дети очень состоятельных людей могли получить места в департаментах, потому что заплатили нужным людям кругленькие суммы. Так в пьесе поступил сын откупщика Нарукавников, который прямо заявлял: «Повторяю, место будет за мной, потому что я заплатил деньги, а мы, потомки откупщиков, не имеем привычки бросать деньги даром» [2. Т. 10. С. 310].

Таким образом, в драмах Салтыкова-Щедрина, как и в прозаических его произведениях, дается преимущественно негативная характеристика предпринимателей, в первую очередь купцов, что, разумеется, было в традициях русской реалистической литературы второй половины XIX в. Время оценки коммерции как серьезного и полезного для общества дела еще не пришло, а на поверхность всплывала только видимая часть айсберга. Бросались в глаза такие социально-психологические черты купечества, как корыстолюбие и экономность, граничившие с жадностью и скупостью, но без которых нельзя было начать свое дело; простота и необразованность, позволявшие купечеству сохранять черты национальной «народной» идентичности, непомерное честолюбие и купеческая гордость, которые подчас и побуждали заниматься широкой благотворительностью и некоторые другие специфические качества, которые не встречали понимания и одобрения великими русским писателями, происходившими в большинстве случаев из дворян.

Однако именно в драматическом творчестве Салтыкова-Щедрина объективный, объемный исторический взгляд на роль купечества в судьбе пореформенной России приходит в противоречие, на наш взгляд, с изначальной, однозначно критической авторской установкой в отношении отечественной буржуазии. Представляется не случайным в этой связи, что последняя пьеса «Тени» с вялыми диалогами персонажей, преимущественно нравоучительного характера, так и не была закончена автором. Пафос сатирического обличения требовал других художественных и публицистических жанров и не выдерживал драматургической проверки на историческую объективность. Впрочем, понятно, что драматический талант у

Салтыкова-Щедрина не сопоставим с его писательским и публицистическим мастерством, и он прекратил опыты в этой области, так и не закончив своей последней пьесы «Тени».

Как выясняется, замечательное знание Салтыковым-Щедриным всех деталей и подробностей купеческой жизни, ее бытового уклада и нравов, а также острое неприятие идеи предпринимательства и, как следствие, негативная оценка купечества как класса и его роли в современном ему обществе имеют под собой биографическую подоплеку. Дело в том, что у Салтыкова-Щедрина, как и у Достоевского, матери происходили из купеческого сословия, что помогает понять их интерес к истории купечества и отдельным его представителям, в том числе к ближайшим своим родственникам [9. С. 70–74]. Известно, что все детство и юность Щедрин провел в имении родителей, которые регулярно ссорились по поводу обмана при заключении своего брака – за купеческой дочерью дали приданого вдвое меньше, чем обещали до свадьбы.

В «Пошехонской старине», произведении во многом автобиографическом, это описывается так: «Отец мой, Василий Порфирыч, за выделом сестер вновь спустился на степень дворянина средней руки. Это заставило его подумать о выгодном браке, и, будучи уже сорока лет, он женился на пятнадцатилетней купеческой дочери, Анне Павловне Глуховой, в чаянии получить за нею богатое приданое. Но расчет на богатое приданое не оправдался: по купеческому обыкновению, его обманули, а он, в свою очередь, выказал при этом непростительную слабость характера. Напрасно сестры уговаривали его не ехать в церковь для венчания, покуда не отдадут договоренной суммы полностью, он доверился лживым обещаниям и обвенчался. Вышел так называемый неравный брак, который впоследствии сделался источником бесконечных укоров и семейных сцен самого грубого свойства» [2. Т. 19. С. 8]. В русской живописи такая ситуация отражена в картинах П.А. Федотова «Сватовство майора» и В.В. Пукирева «Неравный брак». Впрочем, переписка между супругами Салтыковыми была вполне дружеской, и особое обоюдное восхищение у них вызывало необычайно раннее развитие и успехи в учебе юного Миши, который был шестым ребенком в семье (как известно, он родился в 1826 г., когда отцу было 50 лет, а матери 25, но и спустя некоторое время родились два сына – Сергей и Илья, 1829 и 1834 гг. рождения соответственно).

Тем не менее юная купеческая дочь, кроме экономного ведения хозяйства, граничащего со скопидомством, рождения многих детей, проявила необыкновенные приобретательские способности и семья писателя, от лица которого ведется повествование, стала быстро богатеть, введя во всех отраслях хозяйства «меру, вес и счет». В семью мужа, в имение Малиновец, мать писателя сначала привнесла народные обычаи, которые, вероятно, были присущи ее родной купеческой среде: «Ходило в семье предание, что поначалу она была веселая и разбитная молодка, называла горничных подружками, любила играть с ними

песни, побегать в горелки и ходить веселой гурьбой в лес по ягоды. Часто ездила в гости и к себе зазывала гостей и вообще не отказывала себе в удовольствиях. Очень возможно, что она и навсегда удержалась бы на этой стезе, если б не золовки. Они с самого начала вознамерились сделать из нее нечто вроде семейной потехи и всячески язвили ее колкостями, в особенности допекая ее по поводу недоданного приданого... Года через четыре после свадьбы в ее жизни совершился крутой поворот. Из молодухи она как-то внезапно сделалась “барыней”, перестала звать сенных девушек подруженьками, и слово “девка” впервые слетело с ее языка, слетело самоуверенно, грозно и бесповоротно» [2. Т. 19. С. 88–89]. Вместе с тем из купеческой среды пришел дух меркантилизма, поиска во всем своей выгоды.

Особенно большие страсти разгорались в борьбе за наследство, что нашло отражение, как уже отмечалось, в некоторых произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. Например, наследство московского купца Павла Борисовича, дедушки писателя, которому уже было за семьдесят, было под пристальным надзором всей родни. Он был вдов и держал при себе «кралю», молодую краснощекую кругобедрую девицу. Иногда дедушка решал менять «кралю», и тогда среди родни начинался переполох: по деревням искали самых красивых девушек, отмывали и наряжали их для сморин, но до открытого «конкурса» красавиц дело не доходило – побеждали ловкость и проворство одного из наследников. В результате никто не знал в точности размера дедушкиного капитала, «но всякому хотелось узнать тайну; всякий подозревал друг друга, а главное, всякий желал овладеть кубышкой врасплох, в полную свою собственность, так чтоб другим ничего не досталось. Это клало своеобразную печать на семейные отношения. Снаружи все смотрело дружелюбно и даже слащаво; внутри кипела вражда» [Там же. С. 186].

Воспоминаниями детства и юности навеян другой образ властной и предприимчивой женщины – Арины Петровны Головлевой, которая не очень счастлива была в семейной жизни, «...но все внимание свое устремила на один предмет: на округление головлевского имения, и действительно, в течение сорокалетней супружеской жизни успела удесятить свое состояние. С изумительным терпением и зоркостью подкарауливала она дальние и ближние деревни, разузнавала по секрету об отношениях их владельцев к опекунскому совету и всегда, как снег на голову, являлась на аукционах» [Там же. Т. 13. С. 11]. Салтыков здесь не указывает на купеческое происхождение Арины Петровны, но характер ее поступков, ее энергия и решительность прямо указывают на то, что коммерческая сметка у нее была в крови.

Надо сказать, что в самом знаменитом романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» купцам уделяется мало внимания – все сосредоточено на процессе разложения и гибели помещичьей семьи накануне отмены крепостного права в России. В это время стремительно уходило с общественной сцены дворяне-душевладецы, чиновники старой патриархаль-

ной закваски, которые видели во взятке не преступление, а благоразумие. Но сатирик видел, что на смену им идут «чумазы», Разуваевы и Колупаевы, новые, буржуазные столпы общества, вознесенные вверх силой власти и денег, по-своему аморальные и бездушные к близким, в том числе и по отношению к женщине. В этом плане показательна история племянницы Арины Петровны, которая хотела стать артисткой, сначала провинциального, а затем столичного театра, но попала в поле зрения купца, торгующего модным товаром, Кукишева. Сначала он предлагал деньги в конвертах, но Аннинька их возвращала, но потом купец подкупил публику, антрепренера и других актрис, которые, конечно, убедили ее в достоинствах Кукишева. Вскоре ей самой казалось немножко смешно и лестно, «что она так легко приобрела себе этого рослого и сильного купчину, который шутя может подкову согнуть и разогнуть и которому она может все приказать, и что захочет, то с ним и сделает» [2. Т. 13. С. 240].

После первой победы, «...на несчастье Анниньки, у Кукишева явилась новая “идея”, которую он начал преследовать с обычным упорством. Как человеку неразвитому и притом несомненно неумному, ему казалось, что он окажется наверху блаженства, если его “кряля” будет делать ему “аккомпанемент”, т.е. вместе с ним станет пить водку» [Там же. С. 242]. Надо ли говорить, что он добился осуществления своей второй «идеи», а следом за ней в его нетрезвой голове зрели и дальнейшие «развратные планы», но свои деньги кончились, и тогда он вместе с компаньоном Люлькиным запустил руку в казенные деньги, что и привело к разоблачению. Компаньон застрелился, а Кукишев на суде «был циничен до мерзости, даже надобности не было в тех подробностях, которые он выложил». Тем не менее «присяжные вынесли Кукишеву обвинительный приговор, с смягчающими, впрочем, обстоятельствами, вследствие чего он был тут же присужден на житье в Западную Сибирь, в места не столь отдаленные» [Там же. С. 244]. Здесь, в Сибири, такого рода преступников называли «бубновыми валетами», и жизнь их, судя по газетам и воспоминаниям того времени, была вполне сносной. Следующим покровителем Анниньки стал купец Забвенный, человек грубый и драчливый, тратившийся на свою любовницу умеренно, по его словам, «глядя по товару». Кроме этого, он мечтал, как будет «понауждать» свою кралю прохаживаться по «маленькой», как она сначала будет жеманиться, а затем мало-помалу уступит, был очень обижен, что «школа уже пройдена сполна».

Поводом для написания цикла очерков «Убежище Монрепо» стала покупка Салтыковым в 1877 г. небольшого имения Лебяжье на берегу Финского залива, которое вскоре пришлось продать из-за его убыточности, а главной причиной создания этого произведения стало отражение процесса смены помещичьего землевладения буржуазными отношениями, когда на смену «ветхого», старозаветного или старосветского человека приходит капиталистический хищник, новый хозяин жизни. Салтыков-Щедрин пишет, что

на смену ослабевшим Прогореловым явились люди свежие, сильные и бессовестные, но станут ли они настоящими хозяевами страны? «Мне кажется, – отмечает писатель, – что наиболее существенным препятствием в этом смысле явится род ваших занятий. Вы, кабатчики, железнодорожники и менялы, не имеете занятий оседлых и производительных, но исключительно отдаетесь подсиживаньям и сводничествам. В согласность этому, и жизнь ваша получила характер кочевой, так что большую ее часть вы проводите вне домов своих, в Кунавине. Но о каких же принципах может быть речь в Кунавине?» [2. Т. 13. С. 402]. Остается добавить, что Кунавино – это ярмарочное предместье Нижнего Новгорода со всевозможными увеселительными заведениями, где купцы любили устраивать грандиозные кутежи и предаваться вдали от семьи грехам, недоступным дома.

В своей сатире Салтыков-Щедрин обращает внимание на купцов-кабатчиков, носящих отчасти типично русские фамилии – Прохоров, Груздев, Осьмушников, или фамилии сатирические, ставшие нарицательными, – Колупаев, Разуваев, Дерунов. Ничего страшного каждый из них по отдельности не представлял, некоторые были даже вполне симпатичными. Сам автор не скрывает этого: «Разуваев жил от меня верстах в пяти, снимал рожи и отправлял в город барки с дровами. Сверх того, он занимался и другими операциями, объектом которых обыкновенно служил мужик. И он был веселый, и жена у него была веселая. Дом их, небольшой и невзрачный, стоял у лесной опушки, так что из окон никакого другого вида не было, кроме громадного пространства, сплошь усеянное пнями. Но хозяева были гостеприимные, и пированье шло в этом домишке великое... Мужик он был не то чтобы молодой, но в пору, статный, широкоплечий, лицо имел русское, круглое, румяное, глаза веселые, бороду пушистую, светло-русую. И жена у него была такая же, русская: круглолицая, белотелая, полногрудая, румяная, с веселыми, слегка бесстыжими глазами навывкате. Охотники были оба песни попеть, и пели мастерски, особенно хоровые, подблюдные» [Там же. С. 346]. Тем не менее в массе своей купцы Салтыкова-Щедрина – персонажи малосимпатичные, как и устанавливаемые ими новые порядки. В скором времени эти новые хозяева жизни скупают у помещиков по дешевке их имения и обустривают их на коммерческий, приносящий доход лад. В результате, чудом миновав каторгу, купец, по мнению Щедрина, «пьет кровь уже въявь и в то же время сознает себя “столпом”». Все кругом подражают ему, заискивают и льстят. Но это был не тот буржуа, «которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии (хотя и не без участия кровопивства) завоевать себе положение в обществе; это – просто праздный, невежественный и притом ленивейший забулдыга, которому благодаря слепой случайности, удалось уйти от каторги и затем слопать кишасицы вокруг него массы “рохлей”, “ротозеев” и “дураков”» [Там же. С. 352]. Таким образом, на основе частных наблюдений, создавая вполне симпатичные образы русских купцов, писатель, тем не менее, делает вывод

о паразитарности и аморальности купеческого сословия в целом, находит для него еще одно обидное, если не оскорбительное, слово – «чумадые». Салтыков не верит в эффективность действий новых хозяев жизни: «Придет “чумадый”, придет с ног до головы наглый, с цепкими руками, с несытой утробой – придет и слопают! Только и всего» [2. Т. 13. С. 381]. Выход из этой ситуации великий сатирик видит в том, чтобы «Разуваев», хотя бы на словах, изменил суть своих претензий: «Перестань заниматься кабаками, не подсиживай, не сводничай, сократи до минимума экскурсии в Кунавино, производи, а не маклери – это до известной степени осадит тебя, утрет твои “слюни” и приведет в порядок твои утробные урчания» [Там же. С. 403].

Таким образом, Салтыков-Щедрин не мог скрыть своей антипатии к новоявленным русским буржуа, происходившим из дореформенных сословий, преимущественно из зажиточных крестьян, «мироедов», главной отличительной чертой которых были жадность, грубость и отсутствие элементарных культурных навыков. Однако, на наш взгляд, такая характеристика относится преимущественно к тем территориям, где господствовало поместное хозяйство в самых жестких формах – в виде барщинного (отработочного) хозяйства. Там, где практиковался денежный оброк или вообще, как, например, в Сибири, не было крепостного права, формы предпринимательства были более гуманными. «Чумадый идет!», «Чумадый все слопают!» – такие восклицания встречаются в нескольких произведениях Салтыкова-Щедрина. Это означало неприятие им новых хозяев жизни и их деятельности, противопоставление их, например, французской буржуазии. Главными причинами такого отношения к русскому купечеству и предпринимательству в целом стало, на наш взгляд, происхождение, «семейный сценарий», воспитание и служебная карьера самого автора. Все-таки, достигнув генеральского чина в статской службе, занимая ответственные посты правителя канцелярии в Вятской губернии, вице-губернатора в Рязанской и Тверской губерниях, Салтыков-Щедрин был далек от народного быта, народного образа жизни. Но ведь именно в этой среде проходили процессы выделения наиболее активных и предприимчивых деятелей, способных к первоначальному накоплению капиталов.

Сравнивая оценки роли и места нарождающейся российской буржуазии у Салтыкова-Щедрина и Достоевского, нельзя не заметить их кардинального расхождения: несмотря на негативные черты купечества, сделанные Достоевским в «Униженных и оскорбленных» и других ранних произведениях, в дальнейшем он меняет свою точку зрения и признает в облике представителей этого сословия некоторые положительные черты [9]. Думается, что подобная эволюция явилась следствием не только и не столько личных наблюдений Достоевского, но и также и отражением в его творчестве близкой писателю теории «почвенничества», согласно которой само понятие «народ» вбирает в себя не только крестьянство, как у ранних славянофилов, но и городские слои населения – мещанство и купечество.

Сарказм же Салтыкова-Щедрина по отношению к отечественной буржуазии вызван его убеждениями, близкими к взглядам революционных демократов, которые связывали свои надежды на перемены к лучшему с крестьянской общиной, но никак не с гильдейским купечеством. По своим социально-политическим убеждениям Салтыков-Щедрин, конечно, не революционер, но просветитель, наследник взглядов декабристов в период их сибирской ссылки, когда переустройство общества связывалось с просвещением народа, улучшением его материального и правового положения [10]. Недаром его ближайшим другом и соратником являлся воспитанник декабристов Н.А. Белоголовый, происходивший из семьи иркутского купца, личный врач Салтыкова-Щедрина и автор воспоминаний о нем. Потому-то, невзирая на долю личной симпатии к отдельным представителям нарождающейся российской буржуазии, в целом прогрессивная роль коммерции как дела серьезного и полезного для общества в творчестве сатирика не находит отражения. Напротив, едким сарказмом пронизаны описания таких купеческих черт, как корыстолюбие и жадность, граничившие с экономностью и скупостью, их простота и необразованность и др. Признание же как экономически прогрессивной роли купечества, так и отдельных светлых сторон облика представителей этого сословия, таких как честность, своеобразная купеческая гордость, побуждавшая заниматься широкой благотворительностью, не нашли отражения в творчестве писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Т.Н. К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб. : Наука, 2010. Т. 19. С. 169–181.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. М. : Худ. лит., 1969–1974.
3. Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Биография. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. 426 с.
4. Кирпотин В.Я. Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина. М. : Госполитиздат, 1957. 368 с.
5. Бушмин А.С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М. ; Л. : АН СССР, 1957. 484 с.
6. Бушмин А.С. Роман в теоретическом и художественном истолковании Салтыкова-Щедрина // История русского романа. М. ; Л. : АН СССР, 1964. Т. 2. С. 350–365.
7. Николаев Д.П. Сатира Салтыкова-Щедрина и реалистический гротеск. М. : Худ. лит., 1977. 328 с.
8. Тюнькин К.И. Салтыков-Щедрин. М. : Молодая гвардия, 1989. 624 с.
9. Бойко В.П. Достоевский о российском предпринимательстве: художественный образ и реальная характеристика // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 70–74.
10. Бойко В.П. Декабристы в Сибири: предпринимательство, образ жизни, социокультурный облик. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2013. 270 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2015 г.

M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN ON RUSSIAN MERCHANTS (REAL DESCRIPTION AND REFLECTION)

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 29–35. DOI: 10.17223/15617793/402/5

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Boyko Olga E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bojko1958@yandex.ru

Keywords: history; Russia; M.E. Saltykov-Shchedrin; merchants; business.

M.E. Saltykov-Shchedrin, in his works and journalism, could not hide his antipathy to the nouveau Russian bourgeoisie that came from the pre-reform social classes, mainly from wealthy peasants. The main features of these entrepreneurs were greed, rudeness and lack of basic cultural skills. However, in our opinion, such features were mainly inherent to regions where the manorial economy dominated in the most severe forms: in the form of *corvée* (labor) economy. In places with cash rents or, like in Siberia, with no serfdom, forms of business were more humane. The great writer often expressed his rejection of the new masters of life and their activities, contrasting them with, for example, the French bourgeoisie. The main reasons for this attitude to Russian merchants and business in general was, in our opinion, the origin, education and professional career of the writer. Reaching the rank of General in the civil service, occupying responsible positions of the Head of the Chancellery in Vyatka Province, of Vice-governor in Ryazan and Tver Provinces, Saltykov-Shchedrin was far from the common people that witnessed the complex processes of selection of the most active and enterprising leaders. On the other hand, Saltykov-Shchedrin's sarcasm in relation to Russian bourgeoisie is caused by his convictions close to the views of the revolutionary democrats who connected their hopes for positive changes with the peasant community, but not with the guild merchants. However, according to his beliefs, Saltykov-Shchedrin was certainly not a revolutionary; he was rather the enlightener, an heir to the views of the Decembrists in the period of exile in Siberia, when reconstruction of society was associated with education of people, with improvement of their financial and legal status. No wonder his closest friend and colleague was a pupil of the Siberian Decembrists, N.A. Belogolovy, who came from a family of Irkutsk merchants. He was a personal doctor of Saltykov-Shchedrin and author of memoirs about him. Comparing Saltykov-Shchedrin's description of entrepreneurship and Dostoevsky's comments on Russian bourgeoisie, it is obvious that in spite of the negative features of merchants in *The Insulted and Humiliated* and his other early works, later F.M. Dostoevsky changed his mind and saw some positive features in merchants, while Saltykov-Shchedrin never found good words for this class. It is not just Dostoevsky's personal observations, but also the reflection of the Pochvennichestvo theory in his work, where the people is not only the peasantry, as in the early Slavophiles, but also the urban population: tradesmen and merchants. Saltykov-Shchedrin had a different attitude to merchants, although by his origin he was a merchant and knew the life and customs of Moscow and provincial merchants.

REFERENCES

1. Nikitin, T.N. (2010) K voprosu o real'nykh prototipakh nekotorykh geroev romanov "Prestuplenie i nakazanie" i "Besy" [On the question of a real prototype some of the characters of the novels Crime and Punishment and The Possessed]. In: Budanova, N.F. & Kibal'nik, S.A. (eds) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. V. 19. St. Petersburg: Nauka.
2. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1969–1974) *Sobraniye sochineniy. V 20 t.* [Collected Works. In 20 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Makashin, S.A. (1957) *Saltykov-Shchedrin. Biografiya* [Saltykov-Shchedrin. A Biography]. V. 1. Moscow: Gospolitizdat.
4. Kirpotin, V.Ya. (1957) *Filosofskie i esteticheskie vzglyady Saltykova-Shchedrina* [Philosophical and aesthetic views of Saltykov-Shchedrin]. Moscow: Gospolitizdat.
5. Bushmin, A.S. (1957) *Satira Saltykova-Shchedrina* [The satire of Saltykov-Shchedrin]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Bushmin, A.S. (1964) Roman v teoreticheskom i khudozhestvennom istolkovanii Saltykova-Shchedrina [The novel in the theoretical and artistic interpretation of Saltykov-Shchedrin]. In: *Istoriya russkogo romana* [History of the Russian novel]. V. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Nikolaev, D.P. (1977) *Satira Saltykova-Shchedrina i realisticheskii grotesk* [The satire of Saltykov-Shchedrin and realistic grotesque]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Tyun'kin, K.I. (1989) *Saltykov-Shchedrin*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
9. Boyko, V.P. (2012) F.M. Dostoevsky on Russian entrepreneurship: art image and real features. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 359. pp. 70–74. (In Russian).
10. Boyko, V.P. (2013) *Dekabristy v Sibiri: predprinimatel'stvo, obraz zhizni, sotsiokul'turnyy oblik* [Decembrists in Siberia: business, lifestyle, socio-cultural aspect]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.

Received: 02 April 2015